

характеризувати звук, стан, емоції та лексичні поняття. Ці колорема сприймаються як позитивно конотовані, а в символічному плані передусім пов'язуються з містикою та надприродними силами.

ЛІТЕРАТУРА:

1. Венкель Т. В. Синтагматичні, парадигматичні та епідигматичні характеристики прикметників на позначення кольору в англійській мові: автореф. дис ... канд. філол. наук: 10.02.04 / Тетяна Василівна Венкель. – Львів : Б.в., 2004. – 20 с.;
2. Муляр С. П. Колористична семантика в структурі російського художнього тексту (мова поезії 70-80-х рр. 20 ст.) Автореф. дис. ... канд. філолог. наук: 10.02.02 / С. П. Муляр. – К., 2003. – 18 с.;
3. Чумак-Жуль І. І. Лексико-семантичне поле кольору в мові поезії І. О. Буніна: склад, структура, функціонування: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук / І. І. Чумак-Жуль. – К., 1996. – 22 с.;
4. Itakowiczówna K. Wiersze 1912-1959 / K. Itakowiczówna. – W.: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1982. – 256 s.;
5. Kasprowicz J. Wybór poezji. Wrocław-Warszawa-Kraków: Wydawnictwo Ossolińskich, 1990.;
6. Ostrowska B. Wiersze wybrane / B. Ostrowska. – W.: Czytelnik, 1955. – 278 s.;
7. Pawlikowska-Jasnorzewska M. Poezje / M. Pawlikowska-Jasnorzewska. – W.: Czytelnik, 1966.;
8. Przerwa-Tetmajer K. Poezje / K. Przerwa-Tetmajer. – W.: Czytelnik, 1966. – 144 s.;
9. Staff L. Poezje zebrane w 2 t. / L. Staff. T. 1. – Warszawa, 1967. – 1147 s.;
10. Teleżyńska E. Nazwy barw w twórczości Cypriana Norwida / E. Teleżyńska. – W.: Uniwersytet Warszawski, 1994. – 203 s.;
11. Tuwim J. Poezje wybrane / Tuwim J. – W.: Czytelnik, 1977. – 128 s.;
12. Wierzbicka A. There are no “color universals” but there are universals of visual semantics / A. Wierzbicka // Anthropological Linguistics. – 2005. – Vol. 47, No. 2. – P. 217-244.;
13. Wolska M. Poezje wybrane / M. Wolska. – Kraków: Wydawnictwo literackie, 2002. – 527 s.;
14. Zaręba A. Nazwy barw w dialektach historii języka polskiego / A. Zaręba. – Wrocław: PAN. – 1954. – 204 s.

Попов С.Л. (Харків, Україна)

Перцептивно-аргументационный метод дифференциации грамматических вариантов (на материале русского языка)

У статті пропонується перцептивно-аргументаційний метод диференціації граматичних варіантів, розроблений з ортологічною метою. Використовуються психологічні дані про сприйняття як каузатор логічності. Застосовуються положення теорії аргументації. Долучаються поняття маркера семантичних та стилістичних характеристик, експліцитного та імпліцитного контекстів. Демонструється відмінність метода, що пропонується, від метода компонентного аналізу, що лежить у його основі. Запрограмована методом, що презентується, послідовність дій показується на прикладі диференціації двох маловивчених типів російських синтаксичних варіантів.

Ключові слова: граматична варіантність, диференціація, сприйняття, логіка, аргументація.

В статье представляется перцептивно-аргументационный метод дифференциации грамматических вариантов, разработанный с ортологической целью. Используются психологические данные о восприятии как каузаторе логичности. Применяются положения теории аргументации. Привлекаются понятия маркера семантических или стилистических характеристик, эксплицитного и имплицитного контекстов. Демонстрируется отличие предлагаемого метода от лежащего в его основе метода компонентного анализа. Запрограммированная презентуемым методом последовательность действий показывается на примере дифференциации двух малоизученных типов русских синтаксических вариантов.

Ключевые слова: грамматическая вариантность, дифференциация, восприятие, логика, аргументация.

The article examines the perceptually-argumentation method of differentiation of grammatical variants, developed with the orthological aim. Psychological data about perception as the logicity causer are used. Theory of argumentation points are employed. Concepts of a marker of semantic or stylistic characteristics, explicit and implicit contexts are involved. Difference of the proposed method from the underlying component analysis method is demonstrated. The sequence of actions programmed by the presented is shown by the example of differentiation of two insufficiently explored types of Russian syntactical variants.

Key words: grammatical variance, differentiation, perception, logic, argumentation.

Вариантность в грамматическом строе, наиболее консервативной части языка, уже несколько десятилетий признается источником грамматического развития. Однако из этого ставшего аксиомой положения не следует легкость различения узальных характеристик грамматических вариантов. В значительной мере это обусловлено тем, что такая дифференциация никогда не имела своего ясно сформулированного метода и часто была и является результатом субъективности кодификаторской (нормализаторской) оценки. «Точность кодификации, ее соответствие объективной норме в значительной степени зависят от языкового чутья нормализаторов», – замечает Н.Н. Семенюк [21, 576], однако хорошо известно, что это чутье не всегда объективно. Дж. Лайонз не без оснований полагает, что «лингвист не может быть полностью свободен от предрассудков, свойственных его социальному, культурному или местному окружению», в силу чего «его суждения о своем родном языке могут быть столь же субъективны, как и суждения непрофессионала» [12, 55].

Потребность в доказательном методе (алгоритме) дифференциации грамматических вариантов, нередко смешиваемых по причине свойственного им формального сходства, испытывают не только лингвисты и равнодушные к правильности языка рядовые его носители. Эту потребность болезненно ощущает армия корректоров и редакторов,

разросшаяся в эпоху компьютеризированного издательского процесса и далеко не всегда удовлетворенная имеющимися ортологическими рекомендациями, которые часто противоречат узусу. Обладающий доказательной силой метод дифференциации грамматических вариантов может быть полезным не только для русской ортологии – он вполне может претендовать на лингвистическую универсальность.

Целью настоящей статьи является презентация метода дифференциации грамматических вариантов, предпринятая на материале русского языка.

При первом же взгляде на возможность достижения поставленной цели становится очевидной необходимость обращения к когнитивным понятиям аргументации, логики и восприятия (перцепции), ибо без них невозможно продемонстрировать убедительность предпочтения нужного (при императивности вариантов) или уместного (при их диспозитивности) варианта.

Согласно теории аргументации, из всех распространенных универсальных аргументов наиболее достоверными являются: из эмпирических – прямая эмпирическая верификация (ПЭВ), из теоретических – логическое обоснование (ЛО) [10, 22-28, 51-57]. Понятийное объединение этих аргументов в один, в частности с целью использования при дифференциации грамматических вариантов, можно признать идеально скомбинированным аргументом. Это особенно важно потому, что в ортологической практике нередко применяются неуниверсальные аргументы к традиции и авторитету [10, 103-110], не учитывающие возможность изменения норм языка в ходе его развития, например: «Такие фамилии не склоняются – это общее правило» [1, 123]; «(так как *«согласование по смыслу»* свойственно прежде всего живой речи)» [5, 376]. Д.Э. Розенталь в подтверждение того, что «из двух вариантов: *Мой отец с матерью приехали сюда* и *Мои отец с матерью приехали сюда* предпочтительнее первый», ссылается на эмоциональное высказывание Д.Н. Овсяннико-Куликовского по поводу фразы *Я давно не видал моих брата и сестру*: «Это не по-русски и режет ухо» [17, 29; 20, 220] – и не упоминает противоположные мнения по этому же поводу М.В. Ломоносова, Ф.И. Буслаева, В.И. Чернышева и А.А. Шахматова (подробнее об этом – см. [19, 127-129]).

ЛО, представляющее собой любой из описанных Аристотелем и его последователями видов силлогизма, всегда безупречно. Логический сбой в ходе рассуждения – явление редкое. Гораздо больше проблем возникает из-за так называемой «ложности посылки», прагматично осознанной древнегреческими софистами, которые намеренно применяли подмену основания силлогизма ради логичного убеждения собеседника в чем угодно. Против софизмов в риторике последовательно выступали Сократ и Платон. Можно также утверждать, что и «Риторика» Аристотеля стала в определенной

мере реакцией на сознательное пренебрежение софистами истиной [10, 10-11].

Ложность посылки, помещаемой в основание силлогизма, действительно не влияет на ход логического выведения истины. Например, вид человека, вернувшегося с улицы в мокрой одежде, может обусловить автоматическое срабатывание такого силлогизма: вернуться с улицы в мокрой одежде можно только вследствие дождя (большая посылка) – одежда этого вернувшегося с улицы человека мокра (меньшая посылка) – заключение: одежда этого человека мокра потому, что на улице идет дождь. Логический ход рассуждения безупречен, но большая посылка ложна, поскольку ПЭВ позволяет убедиться в следующем: одежда вернувшегося с улицы человека может быть мокрой не только вследствие дождя, но и вследствие того, что этого человека облили водой из шланга, вылили на него ведро воды, бросили (поместили и т. д.) его в ванну, бассейн, реку или любую другую подходящую по размерам, наполненную жидкостью емкость и любой другой водоем и т. п. Такая большая посылка наивна и является частью наивной картины мира. Но к такой картине мира иногда (возможно, не так редко, как хотелось бы) можно относить и представления ученых, которые в идеале должны создавать другую картину мира: научную. Так, лингвист-ортолог может исходить из большей посылки, что распространенность грамматического явления в современном узусе свидетельствует о том, что так было всегда. Из этой большей посылки посредством посылки меньшей, – а именно: в современном узусе образование бесприставочных наречий на *-ски* невозможно от прилагательных, производных от собственных имен (то есть возможно только *по-пушкински*, но не *пушкински*) – логично выводится, что такая закономерность образования наречий на *-ски* существовала всегда. Ложность этой большей посылки обнаруживается при ПЭВ таких наречий в контекстах XIX и первой половины XX веков (ср. *Говорил спокойно, без рисовки, пушкински ясным языком...* [Н.С. Гумилев. *Записки кавалериста (1914-1915)*]), и тогда логичность данного силлогизма «теряет в репутации»: ложность показанной большей посылки лишает логичность силлогизма абсолютности. Следовательно, можно говорить об абсолютной и относительной логичности мышления, а значит, о ее качестве.

В соответствии с данными когнитивной психологии, качество логичности мышления зависит от качества восприятия, в котором можно различить три степени: 1) синкретичное восприятие (СВ), то есть восприятие недифференцированное, целостное; 2) поверхностное восприятие (ПВ), то есть восприятие лишь одного из наличествующих, эмпирически достоверных признаков, наиболее заметного или иначе, например на слух, воспринимаемого в первую очередь; 3) альтернативное восприятие (АВ), то есть восприятие всех эмпирически достоверных признаков в одной из двух

его разновидностей: это альтернативно-императивное восприятие (АИВ), императивно предпочитающее один признак и отвергающее другой, и альтернативно-диспозитивное восприятие (АДВ), альтернативно фиксирующее признаки как закономерно сосуществующие (подробнее об изложенном в настоящем абзаце – см. [19, 5-105]).

Совмещение перцептивных понятий СВ, ПВ, АИВ и АДВ с аргументационными понятиями ПЭВ и ЛО позволяет зафиксировать следующие закономерности:

ПЭВ, опирающаяся на данные СВ, в ортологии, по статусу занимающейся различением вариантов, – явление маловероятное и кодификаторам противопоказанное;

ПЭВ, опирающаяся на данные ПВ, – ПЭВ(ПВ) – обуславливает относительное ЛО (ОЛО);

ПЭВ, опирающаяся на данные АИВ или АДВ, – ПЭВ(АИВ) или ПЭВ(АДВ) – обуславливает абсолютное ЛО (АЛО).

Рассмотренные выше теоретические положения позволяют понять: Метод назван перцептивно-аргументационным потому, что в нем учтены представления о степенях восприятия и типах аргументов, соответственно обеспечивающих и включающих понятия абсолютной и относительной логики дифференциации грамматических вариантов.

Обосновываемый Метод не может не опираться на тщательно разработанный в лингвистике метод компонентного анализа, призванный определять чаще всего семный, а также вообще компонентный состав любой членимой на такие компоненты языковой единицы [26; 18; 24; 11]. Как показывает обзор, осуществленный В.А. Звезгинцевым, принципы компонентного анализа в современном их виде были ясно сформулированы в 1960-70-е годы такими американскими лингвистами, как Дж. Катц, Дж. Фодор, У. Гуденаф, Ф. Лаунсбери, У. Вайнрайх, Д. Болинджер и др.: это «описание значений словарного состава естественных языков через посредство конечного набора элементарных семантических единиц или компонентов, представление этих семантических компонентов как независимых от конкретных языков универсальных репрезентаций и интерпретация их в качестве компонентов концептуальной системы, входящей в познавательную структуру человеческого ума» [7, 8]. Первые два принципа являются традиционными, третий – демонстрирует современную лингвистическую тенденцию: связь результатов компонентного анализа с когницией.

В наши цели не входит полное дробление каждого грамматического варианта на составляющие – для наших целей достаточно выявления этим методом признаков, дифференцирующих употребление грамматических вариантов. И важно сознавать, что таким методом выявляются любые

различия между указанными вариантами – как семантические, так и стилистические. Однако применение этого широко распространенного метода само по себе не гарантирует от поверхностности восприятия: первый оказавшийся в зоне исследовательского восприятия признак, различающий употребление грамматических вариантов, может оказаться ложным основанием для их категоризации. Следовательно, обосновываемый Метод имеет существенное отличие от метода компонентного анализа: Метод основывается на принципиальном недоверии первому впечатлению, поскольку оно может быть следствием синкретичного или, что гораздо вероятнее, поверхностного восприятия.

Метод предусматривает следующие действия.

Приводится аргумент, традиционно (в ортологической литературе) дифференцирующий рассматриваемые грамматические варианты, и определяется его тип (традиционных аргументов может быть больше одного, в том числе у одного и того же автора-кодификатора).

Проверяется достоверность традиционного аргумента.

Если выясняется, что традиционный аргумент, дифференцирующий пару грамматических вариантов, представляет собой ПЭВ(АИВ)иАЛО или ПЭВ(АДВ)иАЛО, он признается непротиворечивым.

Если выясняется, что традиционный аргумент, дифференцирующий пару грамматических вариантов, не представляет собой ПЭВ(АИВ)иАЛО или ПЭВ(АДВ)иАЛО, то демонстрируется его противоречие и выдвигается новый аргумент – ПЭВ(АИВ)иАЛО или ПЭВ(АДВ)иАЛО, который подтверждается примерами употребления.

ПЭВ(АИВ) или ПЭВ(АДВ) представляет собой реализацию возможности убедиться в том, что фиксируемые парные дифференциальные признаки регулярно подтверждаются характерными для каждого из них маркерами (контекстными показателями) – носителями семантических или стилистических характеристик. То есть внимание обращается на эксплицитное, эмпирически верифицируемое контекстное окружение, включающее маркеры той или иной семантической или стилистической характеристики. Апеллирование к таким маркерам представляет собой дедуктивное доказательство: от общего утверждения – к частным его подтверждениям.

Поскольку во многих случаях такие маркеры в контекстах отсутствуют, абсолютно значимыми эти контексты не признаются, но учитывается, что существует логически обоснованная возможность невыраженные маркеры считать подразумеваемыми, то есть присутствующими в контексте имплицитно. Однако, поскольку ПЭВ имплицитности – нонсенс, корректно не утверждать, а только индуктивно допускать такую имплицитность. Тем не менее своего рода ПЭВ применима и в данном случае: методом от противного. Потенциально имплицитные контексты, которые не содержат маркеров,

имеющихся в эксплицитных контекстах, могут приводиться для ПЭВ того, что в потенциально имплицитном контексте отсутствуют другие маркеры, важные для дифференциации вариантов. Если в потенциально имплицитном контексте таких других маркеров нет, допускается, что маркеры-дифференциаторы, характерные для эксплицитных контекстов, содержатся в нем имплицитно. С позиций теории аргументации, такое индуктивное допущение является косвенной эмпирической верификацией, которая не является абсолютно доказательным способом убеждения (см. предыдущий подраздел).

Механизм предлагаемого нами изучения контекстов имеет признаки контекстологического анализа, методика которого наиболее полно представлена в трудах Н.Н. Амосовой, но который не получил всеобщего лингвистического признания. По мнению В.В. Левицкого, «контекстологический анализ, даже в столь совершенном виде, в каком он предложен Н.Н. Амосовой, не является строго формальным и не приводит на практике к однозначным результатам. Основной недостаток этого метода заключается в том, что состав контекстуальных наборов, в которых реализуется то или иное значение слова, определяется исследователем субъективно» [13, 167]. Именно поэтому в случае потенциальной, то есть субъективно определяемой, имплицитности маркеров, которые реально – только в эксплицитном контексте – различают грамматические варианты, мы используем термин «допущение».

Что касается АЛО дифференциации грамматических вариантов, то оно заключается в том, что ортологическое ее объяснение не должно нарушать универсальные логические законы, и прежде всего закон противоречия как наиболее важный из них [10, 160-163]. Объяснение узуальных характеристик грамматических вариантов их эмпирически верифицируемыми дифференциальными признаками может считаться их логическим обоснованием (ЛО), которое может быть как абсолютным (АЛО) – при ПЭВ(АДВ или АИВ), так и относительным (ОЛО).

Поскольку нередко в исследовательском поле восприятия наблюдается больше одной пары дифференциальных признаков, во избежание ПВ каких-либо из них в качестве дифференциальных ПЭВ и АЛО следует применять к каждому фрагменту контекста, отличающему его от похожего контекста. Это позволяет выявить закономерности контекстного окружения изучаемых вариантов и отсеять их несущественные признаки, которые могут быть поверхностно восприняты в качестве дифференциальных.

Заключительным действием Метода может быть формулирование примечания, которое включает важную информацию, не отраженную в предыдущем изложении.

Продемонстрируем применение предложенного метода на следующем примере дифференциации русских грамматических вариантов.

Синтаксические варианты двух типов: *Он был мастер – Он был мастером, Книга будет интересна(я) – Книга будет интересной и Его привели пьяного – Его привели пьяным. Формы И. и Т. существительных и прилагательных и В. и Т. прилагательных, употребляемые в функции именной части сказуемого*

Традиционный аргумент-1 – ПЭВ(ПВ)иОЛО: поскольку формы И. предикативного у существительных и прилагательных (далее – И.) и В. предикативного у прилагательных (далее – В.) встречаются гораздо реже форм Т. предикативного существительных и прилагательных (далее – Т.), эти формы И. и В. устаревают [14, 564; 3, 300-304; 25, 302-303, 15, 89-132; 2, 360-366; 20, 180-181; 9, 377-378; 1, 229, 233].

Противоречие-1: эмпирически очевидно и другое: указанные формы И. и В. действительно употребляются реже форм Т., но совсем – не исчезают.

Традиционный аргумент-2 – ПЭВ(ПВ)иОЛО: формы И. и В. логично различаются: И. и В. выражают значение постоянного признака, в то время как Т. – непостоянного [20, 180; 23, 278-282; 1, 229].

Противоречие-2: На практике действие этого различительного алгоритма не подтверждается: постоянство и непостоянство признака могут обозначаться всеми тремя надежными формами (новые исследования рассматриваемых различий иногда заканчиваются отчаянием: отказом от поиска инварианта – см., например, [16]).

Традиционный аргумент-3 – ПЭВ(АДВ) без ЛО: указанные формы И. и В., в отличие от форм Т., логически подчеркивают сказуемое, подчеркивают его значение [20, 208-209; 5, 380; 22, 198-199].

Противоречие-3: не объясняется, в чем именно заключается указанное подчеркивание, например почему в *Он был учитель* такое подчеркивание сказуемого есть, а в *Он был учителем* – нет.

Новый аргумент – ПЭВ(АДВ)иАЛО (разрешение противоречий): рассматриваемые И. и В. имеют значение картинности, наглядно-образной фиксированности, или «наблюденности» (термин Г.М. Зельдовича), то есть конкретности, а Т. соотносит объект со всем классом подобных объектов, то есть имеет значение абстрактности [8; 20, 117-119].

Эксплицитные контексты

Дедуктивно доказательные примеры конкретной семантики (здесь и далее приводятся примеры из Национального корпуса русского языка):

Серезжа с детства был мастер на все руки, единственный мужчина в доме как-никак. [М. Александер. *Серезжа. Билья (2003)* // «Вестник США», 2003.10.01]. Маркер (здесь и далее маркеры подчеркнуты) информирует об исключительности Серезжи при сложившихся обстоятельствах, то есть о его конкретности.

Ветров был пьян. Пьян не по-доброму, недолюбливая даже себя в

зеркале, потиравшого взмокий затылок. [Дарья Симонова. *Призрак декорации* (2002)]. Он же **был пьяный** в дрова, целовал, плакал – на все соглашался! [Сергей Осипов. *Страсти по Фоме. Книга вторая. Примус интер парэс* (1998)]. В обоих случаях маркеры конкретизируют состояние опьянения. Варианты с кратким прилагательным выглядят стилистически более высокими, нежели варианты с полным прилагательным.

Он трезвый-то ни разу и не приезжал, а я его **пьяного прямо видеть не могу**... [Василий Шукшин. *Калина красная* (1973)]. Маркер показывает ситуацию, когда описываемый «он» в пьяном виде стоит перед глазами, то есть является конкретным.

Дедуктивно доказательные примеры абстрактной семантики:

Альберт тренировал телохранителей для толстосумов, он **был мастером спорта, чемпионом по восточным единоборствам.** [Лев Корнешов. *Газета* (2000)]. Маркеры показывают, что мастером и чемпионом Альберт был в тех областях, в которых имеется и много других мастеров и чемпионов. Следовательно, здесь слова *мастер* и *чемпион* имеют абстрактное значение.

Я не только никогда **не видел** его **пьяным**, но **могу по совести утверждать, что он просиживал долгие вечера над одним невыпитым бокалом.** [П.Г. Курлов. *Гибель императорской России* (1923)]. Маркеры представляют собой сравниваемые характеристики опьянения, которые свидетельствуют о том, что «его» не видели в пьяном состоянии ни в одной из возможных степеней опьянения. Следовательно, здесь слово *пьяный* имеет абстрактное значение.

ИмPLICITНЫЕ КОНТЕКСТЫ

Индуктивно допускаемые примеры конкретной семантики:

Дядя Юра во[о]бще **был мастер** золотые руки. [Борис Минаев. *Детство Левы* (2001)]. Допущение: у дяди Юры были самые золотые из всех возможных в описываемой ситуации руки, то есть дядя Юра – *мастер* конкретный.

Сам он не мог вести машину, потому что **был пьян.** [Алексей Славовский. *100 лет спустя. Письма нерожденному сыну* // «Волга», 2009]. *Большой паводок поднялся тогда от долгих дождей проливных; лоцман был пьяный да неумелый, баржи подвел к самой пристани в Черном Яру.* [П.И. Мельников-Печерский. *На горах. Книга первая* (1875-1881)]. Допущение: в обоих различающихся стилистически (см. выше) случаях имеется в виду конкретное состояние опьянения, эмпирически очевидное для авторов этих строк.

– И тут Кладвия мне говорит, – рассказал Серега, когда Зотов его **пьяного укладывал спать**, чтобы Таня не заметила. [Михаил Анчаров. *Как Птица Гаруда* (1989)]. Допущение: имеется в виду конкретный вид Сереги в момент его укладывания спать.

Индуктивно допускаемые примеры абстрактной семантики:

Или этот конкретный автомобиль кое-чем отличался от своих собратьев. Или водитель **был мастером**. «Жигули» даже не забуксовали. [Марианна Баконина. *Девять граммов пластила* (2000)]. Допущение: водитель отнесен к классу мастеров вождения, то есть как мастер абстрактен.

Не первый раз Клим **видел его пьяным**... [Максим Горький. *Жизнь Клима Самгина. Часть 2* (1928)]. Допущение: Клим видел его не раз именно в таком, а возможно и не совсем таком состоянии. Следовательно, это может быть обобщенное, или абстрактное, представление о периодически пьяном знакомом Самгина.

Примечание. Примеры XIX – начала XX вв. часто свидетельствуют о том, что противопоставление конкретности и абстрактности в рассматриваемых случаях только намечалось, в силу чего в примерах этого периода наблюдается контекстное неразличение этих значений при общем преобладании И. и В. Последние с присущим им значением конкретности свидетельствуют о фиксации явления правым полушарием мозга. Такая фиксация закономерно является исторически более ранним явлением, чем его абстрагирование, осуществляемое левым полушарием [6, 145-146]. Здесь уместно вспомнить и данные А.Н. Гвоздева о том, что его сыном Женей И. предикативный употреблялся до 6-летнего возраста при полном отсутствии Т. предикативного [4, 80-81]. Т. с присущим ему значением абстрактности, отражаемым левым полушарием, в связи с развитием этого полушария и, как следствие, абстрактного мышления в онто- и филогенезе в настоящее время встречается чаще своих оппонентов. Однако из этого не следует, что обозначающие конкретность предикативные И. и В. устаревают, поскольку – не в такой значительной мере, как раньше, – коммуникативная потребность в выражении этого значения остается, ср. эмоциональное высказывание *Ну ты был ма-а-астер!* (подразумевается: единственный в своем роде), чтобы убедиться в том, что Т. *ма-а-астером* в таком контексте невозможен.

Очевидно, что предложенный Метод может быть применен при дифференциации грамматических вариантов в любом языке, но особый интерес применение Метода представляет в сравнительном изучении грамматической вариантности славянских языков.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бельчиков Ю.А. Практическая стилистика современного русского языка / Ю.А. Бельчиков. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. – 424 с.; 2. Борковский В.И. Историческая грамматика русского языка / В.И. Борковский, П.С. Кузнецов. – [2-е изд., доп.]. – М.: Наука, 1965. – 554 с.; 3. Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку / Л.А. Булаховский. – [5-е изд., доп. и перераб.]. – К.: Учпедгиз, 1958. – 488 с.; 4. Гвоздев А.Н. Формирование у ребенка грамматического строя русского языка. Часть вторая / А.Н. Гвоздев. – М.: Изд-во Академии

педагогических наук РСФСР, 1949. – 192 с.; **5. Голуб И.Б.** Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – 8-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 448 с.; **6. Деглин В.Л.** Лекции о функциональной асимметрии мозга человека / В.Л. Деглин. – Амстердам-Киев: Женевская инициатива в психиатрии, Ассоциация психиатров Украины, 1996. – 151 с.; **7. Звезинцев В.А.** Зарубежная лингвистическая семантика последних десятилетий / В.А. Звезинцев // Новое в зарубежной лингвистике. – Выпуск X. Лингвистическая семантика. – М.: Прогресс, 1981. – С. 5-32; **8. Зельдович Г.М.** Русское предикативное имя: согласованная форма, творительный падеж / Г.М. Зельдович // Вопросы языкознания. – 2005. – № 4. – С. 21-38; **9. Иванов В.В.** Историческая грамматика русского языка: Учеб. для студентов филол. спец. фак. ун-тов и пед. ин-тов / В.В. Иванов. – [2-е изд., испр. и доп.]. – М.: Просвещение, 1983. – 399 с.: ил.; **10. Ивин А.А.** Теория аргументации: Учеб. пособие / А.А. Ивин. – М.: Высшая школа, 2007. – 319 с.; **11. Кузнецов А.М.** Компонентного анализа метод / А.М. Кузнецов // Лингвистический энциклопедический словарь / [Гл. ред. В.Н. Ярцева]. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 233-234; **12. Лайонз Дж.** Язык и лингвистика. Вводный курс / Дж. Лайонз / [пер. с англ. И.А. Муравьевой и Е.Г. Устиновой]. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 320 с.; **13. Левицкий В.В.** Семасиология / В.В. Левицкий. – Винница: Нова книга, 2006. – 512 с.; **14. Ломоносов М.В.** Российская грамматика / М.В. Ломоносов // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. – Т. 7: Труды по филологии 1739-1758 гг. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 389-578; **15. Ломтев Т.П.** Очерки по историческому синтаксису русского языка / Т.П. Ломтев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. – 596 с.; **16. Никольс Дж.** Падежные варианты предикативных имен и их отражение в русской грамматике / Дж. Никольс // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XV. Современная зарубежная русистика. – М.: Прогресс, 1985. – С. 342–387; **17. Овсяннико-Куликовский Д.Н.** Руководство к изучению синтаксиса русского языка / Д.Н. Овсяннико-Куликовский. – М.: Тип. Сытина, 1907. – 237 с.; **18. Плотников Б.А.** Основы семасиологии: учебное пособие для вузов / Б.А. Плотников. – Минск: Высшая школа, 1984. – 223 с.: ил.; **19. Попов С.Л.** Когнитивные основания эволюции форм русского синтаксического согласования: Монография / С.Л. Попов. – Харьков: НТМТ, 2013. – 150 с.; **20. Розенталь Д.Э.** Практическая стилистика русского языка / Д.Э. Розенталь. – 4-е изд., испр. – М.: Высш. школа, 1977. – 316 с.; **21. Семенюк Н.Н.** Норма / Н.Н. Семенюк // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / [Отв. ред. Б.А. Серебренников]. – М.: Наука, 1970. – С. 549-596; **22. Солганик Г.Я.** Практическая стилистика русского языка: учеб. пособие для студ. филол. и жур. фак. высш. учеб. заведений / Г.Я. Солганик. – [4-е изд., стер.]. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 304 с.; **23. Тимберлейк А.** Инвариантность и синтаксические свойства вида в русском языке / А. Тимберлейк // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. XV. Современная зарубежная русистика. – С. 261-285; **24. Цветков Н.В.** К методологии компонентного анализа / Н.В. Цветков // Вопросы языкознания. – 1984. – № 2. – С. 61-71; **25. Черных П.Я.** Историческая грамматика русского языка / П.Я. Черных. – [3-е изд.]. – М.: Учпедгиз, 1962. – 376 с.; **26. Шмелев Д.Н.** Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) / Д.Н. Шмелев – М.: Наука, 1973. – 280 с.